Кравчинский СМ

Сказка о копейке

2 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ц58
К819

Ц68
:К819

СКАЗКА

о

КОПѢЙКѢ

Сочиненіе Θ***

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи Евфронова.—Б. Подъяческая №55
1870

Краевчинский, С-П.
ЦБ8
К819

СКАЗКА

о

КОПѢЙКѢ

Сочиненіе Θ***

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи Сафронова.—В. Подъяческая № 55
1870

2ЭК3.

ЦБ8
К819
Библиотека ИМЭЛ
1700
Ц-8470

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 Мая 1870 г.

2011
У 82

СКАЗКА
О
КОПѢЙКѢ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Привольное, братцы, житье было на Руси, когда не было на ней ни господъ, ни поповъ, ни купцовъ толстопузыхъ.

Да только не долго такъ было, сказываютъ старики, потому увидѣлъ чертъ, что одолѣваетъ его мужикъ:—нѣтъ на землѣ ни обмана, ни воровства, ни грабительства, потому всѣмъ привольно живется,—и сталъ чертъ думать крѣпкую думу: какъ бы ему испортить родъ человѣческій. Семь лѣтъ думалъ чертъ, не ѣлъ, не пилъ, не спалъ . . . . и выдумалъ—попа. Потомъ еще семь лѣтъ думалъ, и выдумалъ—барина. Потомъ еще семь лѣтъ думалъ, и выдумалъ—купца.

Обрадовался чертъ и загогокалъ такъ, что всѣ листья попадали съ деревьевъ.

Вотъ выдумалъ чертъ попа, барина и купца и напустилъ ихъ на мужика.

А мужикъ нѣтъ, чтобы догадаться да свернуть имъ шею, пока не расплодились,—взялъ одѣлъ, накормилъ, напоилъ и посадилъ себѣ на шею!

Вотъ съ того то времени и не стало мужику житья на бѣломъ свѣтѣ: зарѣзали его попы, баре да купцы.

И зарѣзали они его не ножемъ, не саблей острою, а мѣдной копѣйкой: встаетъ солнце, мужикъ думаетъ: гдѣ бы мнѣ добыть копѣйку? Заходитъ солнце,—мужикъ думаетъ: гдѣ бы мнѣ добыть копѣйку?

Вотъ и взмолился мужикъ матери своей сырой землѣ:

„Матушка сырая земля, скажи ты мнѣ, родимая, гдѣ бы мнѣ добыть копѣйку?“

И отвѣчаетъ ему земля глухимъ голосомъ:—„Во мнѣ твое богатство!“

Послушался мужикъ. Взялъ онъ заступъ и началъ копать. Вотъ копаетъ онъ день, копаетъ другой, копаетъ третій. Выкопалъ онъ яму глубокую, преглубокую, а копѣйки все нѣтъ. Вотъ кончилась черная земля и пошелъ песокъ.

Отъ поту у него перепрѣла ужь рубашка, а копѣйки все нѣтъ. Вотъ кончился песокъ и пошло болото. Мужикъ все копаетъ да копаетъ, а воду вычерпываетъ лаптемъ. Долго онъ копалъ, долго онъ вычерпывалъ. Наконецъ докопался до дна, дальше пошла глина. Отъ работы ужь весь заступъ истерся, а копѣйки все нѣтъ! Принялся мужикъ копать руками. Ужь онъ копалъ, копалъ, копалъ, копалъ! Наконецъ докопался до дна. Видитъ пошелъ камень — дальше копать нельзя!

Припалъ мужикъ къ груди матери своей, чтобы спросить ее, за что она такъ горько посмѣялась надъ нимъ. Только глядь: подъ комкомъ глины лежитъ мѣдная копѣйка! Отъ сырости она вся позеленѣла, закорявѣла и стала такою же шершавою, какъ сама земля.

Схватилъ ее мужикъ, поцѣловалъ, завернулъ въ онучу и спряталъ за пазуху.

Вотъ вылѣзъ онъ на свѣтъ Божій и пошелъ домой со своей копѣйкой.

Идетъ мужикъ и здоровается съ нимъ березка кудрявая:

— „Мужикъ, мужикъ, спрашиваетъ березка, отчего у тебя одежа на неводъ похожа?“

— Копѣйку добывалъ, отвѣчаетъ мужикъ.

— „Трудно же достается тебѣ копѣйка“, ска-

зала березка и покачала своей кудрявой головкой. Идетъ мужикъ дальше и здоровается съ нимъ птичка лѣсная:

—„Мужикъ, мужикъ, спрашиваетъ птичка, отчего ты весь въ мозоляхъ, какъ въ дубовой корѣ?“

—Копѣйку добывалъ, отвѣчаетъ мужикъ.

Засвистала птичка и улетѣла въ самое небо, говоря про себя:

„Не хотѣла бы я быть мужикомъ!“

Идетъ мужикъ дальше и здоровается съ нимъ рыбка рѣчная:

—Мужикъ, мужикъ, спрашиваетъ рыбка, отчего ты высохъ, какъ щепка?

—Копѣйку добывалъ, отвѣчаетъ мужикъ.

Ничего не сказала рыбка, только хвостикомъ плеснула и опустилась она на самое дно, подальше отъ свѣта бѣлаго, чтобы и ее, неровенъ часъ, не забрали въ мужики.

Пошелъ мужикъ дальше и видитъ: идетъ ему на встрѣчу попъ. Мужикъ снялъ шапку и подошелъ подъ благословеніе. Сразу замѣтилъ попъ, что мужикъ вернулся съ работы, значитъ, у него должна быть копѣйка. И захотѣлось попу вытянуть у мужика его копѣйку.

Вотъ подходитъ онъ къ нему да и говоритъ:

—Разѣвай ротъ! Мужикъ разинулъ.

—Высунь языкъ! Мужикъ высунулъ.

Опустилъ попъ руку въ карманъ по самый локоть, досталъ щепотку хлѣбныхъ крошекъ и посыналъ мужику немного на языкъ. А что осталось спряталъ для другого раза.

—Ну, теперь давай свою копѣйку, говоритъ онъ мужику.

Мужикъ отдалъ.

Вотъ приходитъ онъ домой, жена и спрашиваетъ его:

—Ну что, добылъ копѣйку?

—Добылъ, отвѣчаетъ мужикъ.

—Куда жъ ты дѣлъ ее?

—Отдалъ за царствіе небесное, отвѣчаетъ мужикъ.

—Ну, и слава Богу, говоритъ жена.

—Садись теперь обѣдать.

Помолились они и сѣли—дождевую воду хлѣбать, сосновой корой заѣдать. Пообѣдавши, мужикъ поблагодарилъ Бога, что онъ насытилъ его „земныхъ своихъ благъ“ и легъ отдохнуть съ работы.

А попъ тѣмъ временемъ пришелъ домой и сталъ думать, чтобы ему сдѣлать съ мужицкой копѣйкой. Думалъ онъ, думалъ, наконецъ сказалъ:

—Знаю, что сдѣлать! и кликнулъ пономаря.

А пономарь то не только на клиросѣ оралъ, а и торговишкой не брезговалъ.

Вотъ приходитъ пономарь, а попъ и говоритъ ему:

— Послушай ты, долгогривый! Теперь у насъ постъ, такъ со вчерашняго дня я ничего скоромнаго не ѣлъ. Вотъ тебѣ копѣйка! Сжарь ты мнѣ своего поросенка, да смотри никому ни гугу! Не то всю гриву тебѣ вытреплю. А коли справишь все дѣло, какъ слѣдуетъ, такъ дамъ тебѣ у поросенка хвостикъ пососать.

Пошелъ пономарь и думаетъ:—Вишь, толстопузый, что выдумалъ! Нѣтъ, хвостикъ то самъ пососи, а поросенка то я откормлю да самому архирею продамъ.

И понесъ онъ копѣйку торгашу, что держалъ въ деревнѣ лавку со всякимъ товаромъ.

Приходитъ онъ къ лавочнику да и говоритъ:

—Кумъ, а кумъ! Вотъ тебѣ копѣйка, дай ты за нее попу поросенка, да мнѣ улей меду за труды.

Усмѣхнулся торгашъ, однако копѣйку взялъ: у мужика, думаетъ, куплю.

Приходитъ онъ къ мужику, показываетъ копѣйку да говоритъ:

—Видишь копѣйку? Дай ты мнѣ за нее

своего поросенка, да добудь улей меду, да волчью шкуру на тулупъ.

—Ладно, сказалъ мужикъ, благо я теперь отдохнулъ съ работы.

Перво на перво отдалъ онъ купцу своего поросенка, что берегъ себѣ къ празднику. Праздникъ то былъ самый большой въ году. Ну, ничего, думаетъ онъ. Какъ подростетъ мой сынишка, что теперь въ люлькѣ лежитъ, такъ справлю праздникъ, какъ слѣдуетъ.

Потомъ взялъ мужикъ кусокъ мякиннаго хлѣба, засунулъ за голенище ножъ и пошелъ въ лѣсъ.

Вотъ идетъ онъ лѣсомъ, а самъ нюхаетъ, не пахнетъ ли гдѣ медомъ. Нѣтъ, ничего не слыхать! Долго шелъ онъ; давно уже съѣлъ онъ свой хлѣбъ и кормился одними желудями да кореньями, а меду, какъ на зло, нигдѣ не слыхать. Наконецъ мужикъ потянулъ носомъ воздухъ въ себя: издалека послышался легкій медовый запахъ. Пошелъ мужикъ по чутью. Шелъ, шелъ. Пришелъ. Видитъ, стоитъ большущая липа, а вокругъ нея пчелы такъ и кишатъ, такъ и кишатъ. Только глядь! Огромный медвѣдь стоитъ у дупла и уже собирается лапу въ него запустить.

—Ахъ ты, Господи, закричалъ мужикъ, да

никакъ мишка хочетъ медъ у меня перебить!

Выхватилъ онъ изъ за голенища ножъ и съ крикомъ побѣжалъ на медвѣдя.

Заслышавъ мужика, мишка обернулся, пріосанился и пошелъ на встрѣчу ему.

Быстро сорвалъ мужикъ нѣсколько пучковъ тонкихъ березовыхъ вѣтокъ, намоталъ ихъ на лѣвую руку, въ правую взялъ ножъ и пошелъ на медвѣдя.

Вотъ они сошлись. Мишка ужь и лапы протянулъ, чтобы схватить мужика, да не тутъ то было: мужикъ сунулъ ему въ лапы свою лѣвую руку, а правой всадилъ ему въ сердцѣ ножъ по самую рукоятку. Потомъ отскочилъ назадъ, какъ градина отъ камня. Да на бѣду онъ зацѣпился за сукъ, такъ что медвѣдь успѣлъ таки сцапать его. И вотъ обнялись они и сцѣпились въ рукопашную. Сперва мишка стиснулъ мужика, у того даже косточки затрещали. Потомъ мужикъ стиснулъ медвѣдя,—у того кровь брызнула изъ раны, какъ вода изъ родника. Повалился мишка, какъ овсяный снопъ. А мужикъ размялъ маленько свои косточки послѣ медвѣжьей ласки да и думаетъ:

А вѣдь Богъ не безъ милости и къ мужику, не пошли онъ на мое счастье медвѣдя, мнѣ еще

Богъ вѣсть сколько пришлось бы искать волка, а теперь лавочникъ, можетъ статься, согласится взять медвѣжью шкуру вмѣсто волчьей.

Содралъ онъ шкуру съ медвѣдя, вынулъ изъ дупла медъ и понесъ свою добычу домой. Приноситъ онъ ее къ купцу. Тотъ посмотрѣлъ, покачалъ головою да и говоритъ:

—Медвѣжью шкуру вмѣсто волчьей! А что дашь въ придачу?

„Да что же мнѣ дать то, говоритъ мужикъ, портки, что ли?“

—Ну, давай хоть портки!

Снялъ мужикъ портки и отдалъ ихъ купцу; потомъ получилъ отъ него копѣйку и понесъ барину въ счетъ недоимки съ прошлагодняго оброка за водопой: потому, видно, по барской молитвѣ текла въ рѣкѣ вода, да мужицкую скотину поила.

Идетъ это мужикъ да и глянулъ на копѣйку, которую все въ рукѣ держалъ. Глядитъ, а копѣйка то таже ржавая да коривая, та самая, что отдалъ онъ попу за царствіе небесное. Ладно, думаетъ себѣ мужикъ, отдамъ я ее теперь барину, небось, не скоро вырвется изъ барскихъ рукъ.

Вотъ подошелъ онъ къ барскимъ хоромамъ, снялъ шапку и сталъ у воротъ. А на бѣду его

барыня выглянула въ окно посмотрѣть, не ѣдетъ ли офицерикъ молодой.

Какъ завидѣла это барыня, что стоитъ мужикъ безъ портокъ, закричала: Ахъ, ахъ! помираю! глаза закатила, обомлѣла и хлопъ на коверъ — только ножками задрыгала.

Бѣгутъ докладывать барину: такъ и такъ, молъ, барыня изволили увидѣть мужика безъ портокъ и теперь помираютъ. Напустился баринъ на мужика, затопалъ, заоралъ. Но, какъ узналъ, что онъ ему оброкъ принесъ, притихъ, только далъ мужику записку и говоритъ таково ласково:

— На тебѣ, голубчикъ, записочку, отнеси ты ее къ становому.

Взялъ мужикъ записку, отнесъ ее къ становому и ужь взялся было за шапку, чтобы домой идти, только посмотрѣлъ онъ на станового и остановился: у того кулаки сжаты, глаза сверкаютъ, зубы скрежещутъ, самъ пышетъ, какъ взмыленный конь.

Какъ подскочитъ это онъ къ мужику да какъ заоретъ:

— „Какъ ты смѣлъ, сиволапый ты этакій, барской чести оскорбленіе нанесть?“

Попробовалъ было мужикъ оправдываться, да куда тутъ.

Распалился становой пуще прежняго:

— Какъ! ты еще отпираться, отпираться, собачій сынъ! Въ Сибирь сошлю! Въ гробъ заколочу! Съ живого шкуру сдеру! и пошелъ, и пошелъ ..... А самъ, то спереди, то сбоку, такъ и наскакиваетъ, точно забодать мужика, али въ ротъ ему вскочить хочетъ.

Заслышала жена, что плохо дѣло. Поймала она пѣтуха, бѣжитъ къ становому и бухъ ему въ ноги.

— „Батюшка, говоритъ, вотъ тебѣ пѣтухъ."

„Возьми его на здоровье, только не губи ты моего хозяина! Безъ него пропадемъ мы съ малыми ребятами."

Осерчалъ становой пуще прежняго. Даже задыхаться сталъ.

— „Какъ пѣтуха! Да какъ ты смѣешь мнѣ пѣтуха сулить, да какъ у тебя языкъ повернулся! Я двадцать лѣтъ Богу и великому Государю становымъ служу, а никогда не терпѣлъ такой обиды! Давай сейчасъ козу, не то всю избу вамъ разнести."

Нечего дѣлать привели они ему козу.

Смягчился становой и велѣлъ только постегать мужика и отпустить по добру по здорову.

Пришелъ мужикъ домой и велѣлъ женѣ портки повые шить, потому скоро нужно было опять идти къ барину, работать за недоимку въ его са-

ду, такъ чтобы, неровенъ часъ, барыня опять не завидѣла.

А баринъ ходилъ по хоромамъ и все придумывалъ, чтобы ему сдѣлать съ мужицкой копѣйкой; наконецъ надумалъ и велѣлъ кликнуть мужика.

Приходитъ мужикъ, баринъ и говоритъ ему:

— „Послушай, любезный, тебѣ топливо, говоришь ты, надобно. Вотъ, видишь, тамъ на огородѣ у меня жердочка стоитъ, такъ возьми ее себѣ, только сослужи ты мнѣ службочку.“

„Какую?“ спрашиваетъ мужикъ.

— „Ступай ты, говоритъ баринъ, къ другу моему Соффрону Кузьмичу, онъ всего за пятьсотъ верстъ отсюда живетъ, и скажи ты ему, что баринъ, молъ, приказали кланяться и въ гости къ себѣ просить.“

„Ладно“, говоритъ мужикъ.

Вотъ пошелъ мужикъ къ Соффрону Кузьмичу. Ужъ онъ шелъ, шелъ, шелъ, шелъ, всѣ лапти истрепалъ, чуть кожи на подошвахъ не износилъ. Наконецъ приходитъ и говоритъ:

— „Такъ и такъ; баринъ приказали кланяться и въ гости просить.“

Софронъ Кузьмичъ сейчасъ собрался, потому были они съ нашимъ барином большіе пріятели: какъ молоды были, вмѣстѣ царю служили. А служба то была самая дворянская: у казенныхъ ба-

рановъ подъ хвостомъ шерсть подстригали, да тайкомъ суконщикамъ сбывали.

Вотъ пріѣзжаетъ онъ къ барину и начали они играть на мужицкую конѣйку. И обыгралъ Софронъ Кузьмичъ нашего барина и уѣхалъ онъ веселый, развеселый и дорогой все пѣсни пѣлъ. А нашъ баринъ остался злющій, преллющій и чтобы на чемъ нибудь сорвать свою злобу, онъ кликнулъ сотскаго и велѣлъ ему стребовать оброкъ съ мужика.

Пришелъ сотскій къ мужику и сталъ требовать съ него оброкъ.

— „Да откуда мнѣ взять то?“ спрашиваетъ мужикъ.

„Откуда хошь, хоть роди, братъ, не то баринъ опять къ становому.“

Почесалъ мужикъ затылокъ, однако дѣлать нечего, оброкъ добыть нужно.

И вотъ пошелъ мужикъ на заработки. Ужъ онъ ходилъ, ходилъ и нигдѣ не могъ найти работы. Наконецъ приходитъ онъ къ тому самому барину, что выигралъ его конѣйку, и спрашиваетъ: нѣтъ ли работы. Позвалъ баринъ управляющаго, чтобы узнать у него насчетъ работы.

— „Какъ же, есть, говоритъ управляющій, у насъ недавно плотину прорвало. Нужно поскорѣй починить‘ чтобы не размыло. А работа самая

опасная, потому вода того и гляди снесетъ, да еще какъ разъ подъ колесо. Вотъ намъ и съ руки отдать эту работу мужику, потому изъ за копѣйки мужикъ не только въ воду, а и въ огонь полѣзетъ."

„Хорошо, говоритъ баринъ, распорядись."

Пошелъ управляющій къ мужику и говоритъ:

— „Почини барину плотину, да мнѣ сруби избу за то, что я хлопоталъ за тебя и зашибешь копѣйку."

„Ладно", говоритъ мужикъ.

Вотъ взялъ онъ топоръ, нарубилъ лѣсу, перетаскалъ его ко двору управляющаго и началъ строить избу.—Топоромъ рубитъ, топоромъ тешетъ, топоромъ пилитъ, топоромъ стругаетъ, топоромъ дыры сверлитъ, топоромъ гвозди колетъ, топоромъ и забиваетъ. Потъ катится съ него градомъ, а онъ и въ усъ не дуетъ,—это, думаетъ еще работишка, а работа то будетъ впереди.

Вотъ приходитъ управляющій и видитъ выстроена изба на славу.

— Молодецъ, сказалъ управляющій, и далъ мужику понюхать рюмку, изъ которой третьяго дня водку пилъ.

„Спасибо, сказалъ мужикъ, порадѣю твоей милости за твою ласку."

Вотъ пошелъ мужикъ къ плотинѣ.—Видитъ,

прорвало плотину по самой срединѣ. Вода такъ и бурлитъ, какъ кипятокъ въ котлѣ. Подступу ни откуда; чуть подойдешь—земля такъ и обсыпается. Какъ тутъ быть! Думалъ, думалъ мужикъ, наконецъ надумалъ: по обоимъ бокамъ плотины росли толстыя вербы. Мужикъ перекинулъ черезъ нихъ крѣпкую веревку, потомъ прицѣпилъ къ ней на возжахъ лукошко.

—„Теперь ладно“, сказалъ мужикъ и принялся тесать сваи. Натесавши сколько надобно, бросилъ онъ въ лукошко тяжелый камень, навалилъ сваю, самъ сѣлъ на нее верхомъ, взялъ въ руки острый колъ и отпихнулся.

Раскачало его, какъ маятникъ!

—„Эй, утонешь, кричитъ ему управляющій изъ окошка.

Носится себѣ мужикъ по воздуху да и отвѣчаетъ:

„Не сумлѣвайся! Насъ Богъ бережетъ, потому безъ мужика ему не то, что на свѣчку, а и на ладанъ, не откуда бы взять. А то, безъ мужика, Богъ точно, давно бы перевелся совсѣмъ.“

Покачалось, покачалось лукошко, наконецъ остановилось. Мужикъ ткнулъ сваю въ воду и приколотилъ камнемъ. Потомъ отпихнулся онъ къ берегу, выскочилъ, придержалъ лукошко и и навалилъ новую сваю. Долго леталъ мужикъ,

долго колотилъ онъ сваи, наконецъ вбилъ всѣ и завалилъ камнями и пескомъ. Только глядь, срединная свая нагинается, нагинается и вотъ, вотъ упадетъ. Какъ тутъ быть? Подъ руками — ничего. Пропала работа! Не долго думалъ мужикъ, раскачался въ лукошкѣ и прыгъ самъ на сваю!

Отъ здоровыхъ мужицкихъ пятокъ, свая засѣла такъ, что самъ чертъ ее не вырвалъ бы, да только самъ мужикъ грохнулся въ воду и его понесло подъ самое колесо.

—„Ну, думаетъ управляющій, пропалъ мужикъ! Копѣйка то, имъ заработанная, у меня остается.

Однако мужикъ догадался нырнуть и вылѣзъ изъ воды цѣлъ и невредимъ. Пришлось управляющему отдать мужику его копѣйку.

Вотъ понесъ ее мужикъ домой, идетъ, а самъ думаетъ:

— „Слава Богу, теперь раньше чѣмъ черезъ недѣлю, баринъ не потребуетъ съ меня оброка. Будетъ время поработать на себя, да и отдохнуть кстати за весь годъ.“ — Приходитъ онъ домой и идетъ прямо на барскій дворъ. Входитъ и видитъ: весь дворъ усыпанъ можжевельникомъ, всѣ ходятъ въ черномъ, и въ окнѣ двѣ свѣчи видно.

„Что случилось?“ спрашиваетъ мужикъ.

— „Баринъ померъ“, говорятъ ему.

Заплакалъ мужикъ и подумалъ: „царство ему небесное, добрый былъ баринъ!“

И понесъ онъ оброкъ барину. Только къ барынѣ его не пустили. Барыня больно убивалась по баринѣ и утѣшалъ ее, горемычную, офицерикъ молодой.—Вотъ никого она и не пускала къ себѣ.

Пошелъ мужикъ домой, полѣзъ въ погребъ, вырылъ ямку и спряталъ въ нее свою копѣйку, чтобы не пропала, неровенъ часъ.

Черезъ нѣсколько дней идетъ мужикъ домой. Вдругъ слышетъ кто то плачетъ. Обернулся онъ и видитъ: сидитъ при дорогѣ дѣвочка и заливается горючими слезами.

—„Чего плачешь дѣвка?“ спросилъ онъ ее. Дѣвочка разсказала ему, что у нея братъ очень заболѣлъ, такъ нужно звать попа, чтобы онъ окунулъ палецъ въ тѣсто да помазалъ больного по губамъ. Попъ даромъ идти не хочетъ, а платить ему нечѣмъ.

Положилъ мужикъ свою шершавую лапу дѣвочкѣ на голову, взъерошилъ ей волосенки и говоритъ:

—„Не плачь дура, я заплачу попу.“

Поблагодарила дѣвчонка мужика и побѣжала къ попу. А мужикъ полѣзъ въ погребъ, откопалъ свою копѣйку и вынесъ ее на свѣтъ Божій.

Глянулъ не нее мужикъ и всплеснулъ руками:

—узналъ онъ свою копѣйку, ту самую, что съ такими трудами добылъ онъ изъ груди матери сырой земли, потому что, полежавши въ землѣ, она стала такою же зеленою да корявою, какъ тогда была. . . . . И заплакалъ мужикъ съ досады отъ такой обиды горькими слезами. Попялъ онъ, что напрасно пропали всѣ его труды: ничего то онъ не выработалъ, кромѣ той самой копѣйки, которая и прежде его была.—Вотъ теперь она попадетъ опять попу, и пойдетъ потомъ гулять по свѣту бѣлому, и будетъ ѣздить на немъ всякій, кому удастся подержать ее въ рукахъ. А коли ненарокомъ, она снова заглянетъ въ его избу, такъ только за тѣмъ, чтобы онъ самъ снесъ ее либо барину, либо попу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

—„Не дамъ никому своей копѣйки!“ рѣшилъ мужикъ.

Вотъ отправился онъ къ сосѣдкѣ. Приходитъ, видитъ у больного вся борода ужь въ тѣстѣ, а попъ стоитъ посередь горницы, набралъ въ подолъ всякой всячины: пироговъ, яицъ,

нитокъ и озирается: нѣтъ ли еще чего лишняго въ избѣ. Видитъ, что больше взять нечего и оборачивается къ мужику:

—„Ну давай теперь ты свою копѣйку!“

„Эхъ батька, батька, говоритъ мужикъ, какія у тебя очи, какъ я погляжу! Никогда не видывалъ я такихъ.“

—„Какъ какія?“ говоритъ попъ. „Извѣстно какія—поповскія! Да, что ты тутъ лясы распустилъ? Подавай ка прежде копѣйку, а уже потомъ разговаривать станемъ!“

Покачалъ мужикъ головою, да и говоритъ:

—„Эхъ, батька, плохо тебѣ будетъ! Послушай-ко, что я разскажу тебѣ; авось восчувствуетъ:“

—„Жилъ-былъ попъ, и былъ онъ такой же грабитель, какъ и ты. Вотъ разъ ѣхалъ онъ поздней почью и везъ съ собой цѣлый мѣшокъ денегъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, разбойники! Напали они на него, убили и обобрали до гола. Однако рѣшили похоронить его, а не бросать на дорогѣ, потому попъ.

„Сколотили они большой гробъ изъ досокъ, приходятъ за попомъ, кладутъ, а онъ не лѣзетъ.

—„Что за чудо, говорятъ разбойники? Ка-

жись, покойникъ совѣмъ малаго роста, а въ такой большой гробъ не лѣзетъ!“

„Сколотили они другой гробъ въ два раза длиннѣе и шире перваго. Кладутъ, а онъ опять не лѣзетъ!

„Совѣмъ перепугались разбойники, закричали въ одинъ голосъ: „да это, должно быть, колдунъ, братцы!“ и бросились бѣжать въ разныя стороны.—Вотъ на другой день ѣдутъ той же дорогой попъ съ мужикомъ. Видятъ, лежитъ голый человѣкъ. Мужикъ и говоритъ попу:

—„Прикрой его, батька!“

„Попъ ѣхалъ съ требы и потому была у него повина холста. Вотъ отрѣзалъ онъ три аршина и сталъ прикрывать. Смотритъ, все тѣло отъ ногъ до половины носа прикрылось, а глаза и выше глазъ—нѣтъ.

„Отрѣзалъ попъ четыре аршина. Опять покрылось только до глазъ, а глаза все смотрятъ.

„Отрѣзалъ попъ семь аршинъ. Опять тоже: глаза смотрятъ, да смотрятъ.

—„Что за притча?“ говоритъ попъ.

„Да ты покойнику глаза то засыпь прежде пескомъ, говоритъ мужикъ ему, иначе не прикроешь, потому покойникъ, видно, попъ былъ, а у попа глаза завидущіе, сколько ни отрѣжешь ему все мало будетъ.

„Послушался попъ мужика, засыпалъ покойнику глаза пескомъ и сейчасъ же онъ прикрылся кускомъ въ три аршина, еще лишку осталось.

—„Послушайся же и ты меня, сказалъ нашъ мужикъ попу, не грабь ты народъ православный. Жалѣючи тебя говорю Вѣдь послѣ смерти и ты не влѣзешь въ гробъ и тебя бросятъ безъ погребенья.“

—„Ахъ ты курицынъ сынъ, закричалъ попъ, да какъ ты смѣешь своему отцу духовному такія слова говорить!“

„Батька, батька, по душѣ говорю тебѣ не грабь народъ православный! Ну, какъ никто не догадается тебѣ глаза то пескомъ засыпать! Вѣдь растерзаютъ тебя звѣри лютые! Опомнись батька!

Схватилъ попъ качалку, кинулся на мужика, и кричитъ:

—„Давай мою копѣйку, довольно я твоего вздору наслушался!“

Мужикъ придержалъ его за руки и говоритъ:

—„Нѣтъ, батька, ступай себѣ съ Богомъ, а копѣйки то я тебѣ не дамъ, потому грѣхъ твоимъ грѣхамъ потакать.“

Убѣжалъ попъ, подобравъ рясу и прямо на барскій дворъ. Вбѣгаетъ онъ въ горницу и застаетъ тамъ барыню и офицерика. А офицерикъ

только что посватался за барыню и она согласилась идти за него. Поэтому офицерикъ былъ веселый, развеселый.

—„Что это ты, батька, такой встрепанный? спрашиваетъ онъ, смѣючись. Али попадья тебя выпорола?“

—„Какая попадья? махнувъ рукой, отвѣчаетъ попъ; это бы бѣда не большая—свои люди сочтемся! Мужикъ взбунтовался—вотъ что!“ И онъ разсказалъ имъ про бунтовство мужика.

—„Эхъ ты, а еще долгогривый называешься! То то грива у тебя выросла, да ума не вынесла! Не умѣлъ съ мужикомъ справиться!“

—„Приведи ка его ко мнѣ, сказалъ новый баринъ своему лакею. Я и говорить то ему ничего не буду, только гляну на него и увидите, какъ онъ сейчасъ смирится.“

Пошелъ лакей за мужикомъ, а баринъ усы покручиваетъ, ждетъ да дожидается, чтобы ему передъ барыней да попомъ удаль свою показать.

Видитъ онъ, входитъ въ дверь мужикъ, а за нимъ лакей.

—„Ну, ну, говоритъ баринъ, веди ка его сюда, дай ка я на него гляну!“ а самъ искоса посматриваетъ то на барыню, то на попа.

Вотъ вводятъ мужика, а баринъ готовъ:

Стоитъ онъ посередь горницы, лѣвую руку

фертомъ въ бокъ, правую руку въ карманъ засунулъ, весь впередъ вытянулся, голову вытянулъ, губы стиснулъ, глаза выпучилъ и такъ и ворочаетъ бѣлками.

Какъ глянулъ это мужикъ на барина, такъ даже сторопѣлъ:

—„Батюшка, говоритъ онъ, да никакъ ты не здоровъ совсѣмъ! Постой, болѣзный мой, я принесу тебѣ водицы испить, авось полегчаетъ."

Не дождался мужикъ отвѣта, побѣжалъ на дворъ; снялъ съ головы свой замасляный картузишко, набралъ въ него воды изъ кадки и приноситъ барину.

—„На, батюшка, испей!"

А баринъ сидитъ, да только глазами хлопаетъ: больно ужъ конфузно ему стало передъ барыней да попомъ.

За то, какъ напустится на мужика барыня! Чуть въ бороду не вцѣпилась:

—„Какъ, моль, ты смѣлъ барину воду въ своемъ поганомъ картузѣ подавать."

Вылилъ мужикъ воду за окошко, да и спрашиваетъ барина:

—„Чего же тебѣ нужно отъ меня?"

А баринъ успѣлъ ужъ оправиться. Развалился онъ въ креслѣ, засунулъ руки въ карманы, да и говоритъ:

—„Что это ты, любезный, бунтовать вздумалъ.“

„Какое бунтовать! Грѣхъ попу народъ обирать, да и потакать ему тоже грѣхъ, вотъ все!“

—„Да какъ же это, любезный мой? Вѣдь онъ отецъ духовный. Какъ же ему своими трудами, а не вашими жить? Вѣдь этакъ ты, пожалуй, скажешь, что и я долженъ своимъ трудомъ, а не твоимъ жить?“

“Ай да умница! Даромъ, что баринъ! говоритъ мужикъ. Вѣдь ты, какъ есть, угадалъ! Я вѣдь и тебѣ платить не стану.“

Вскочилъ баринъ, какъ ужаленный и началъ онъ костить мужика, да требовать съ него копѣйку, однако, какъ ни бился, ничего не могъ сдѣлать. Мужикъ и ему копѣйки такъ таки и не отдалъ.

Пошелъ мужикъ домой, а офицерикъ, попъ да барыня остались думать крѣпкую думу: какъ имъ справиться съ мужикомъ. Думали, думали и рѣшили послать бумагу становому, что мужикъ де взбунтовался, не хочетъ своей трудовой копѣйки отдавать, такъ чтобы онъ ѣхалъ усмирить его.

Прочиталъ бумагу становой и побѣдивѣлъ весь.

—Господи, думаетъ, пришелъ мой конецъ, убьетъ меня мужикъ!

Однако ѣхать надобно, потому служба. Вотъ засунулъ становой за поясъ четыре пистолета, сѣлъ верхомъ на самого быстраго своего коня и поѣхалъ къ мужику.

Тихонько подобрался онъ шаговъ на сто къ мужицкой избѣ, да какъ припуститъ, какъ припуститъ своего коня—только дымъ столбомъ пошелъ. Вихремъ летитъ это становой мимо избы, а самъ кричитъ:

—„Отдай копѣйку, отдай копѣйку, мерзавецъ! Не то не пощажу! Съ лица земли сотру, въ баранiй рогъ согну!“

А самъ, знай хлещетъ, да хлещетъ своего коня.

Въ избѣ поднялся страшный гвалтъ. Мужика на ту пору какъ разъ дома не было, но, заслышавъ крикъ становаго, корова замычала, свинья захрюкала, овца заблеяла, а собаки съ лаемъ перескочили черезъ заборъ и погнались за становымъ.

Ну, пропалъ я, думаетъ становой. Бросилъ онъ поводья, уцѣпился за загривокъ руками и зажмурилъ глаза, чтобы не видѣть смерти, и понесъ его конь прямо на огромный камень. Полетѣлъ становой вверхъ ногами. Хлопнулся о земь, лежитъ и думаетъ:

Убитъ, сейчасъ Богу душу отдамъ!

Подбѣжали собаки, понюхали, понюхали его

со всѣхъ сторонъ, потомъ подогнали бочкомъ, подняли заднія лапы и обосцали его съ ногъ до головы. А становой лежитъ, зажмуривши глаза, не шелохнется, а самъ думаетъ:

Помираю,—это у меня изъ ранъ теплая кровь бѣжитъ.

Побѣжали собаки домой, виляя хвостами, а становой все лежитъ, да лежитъ. Долго онъ лежалъ и все ждалъ, что вотъ, вотъ отлетитъ отъ него душа. Наконецъ видитъ не отлетаетъ и рѣшился онъ открыть одинъ глазъ, потомъ другой—ничего! Приподнялъ онъ осторожно голову и оглянулся кругомъ. Видитъ никого нѣтъ, а въ сторонѣ лежитъ его лошадь. Подползъ онъ къ ней, видитъ, обѣ переднія ноги переломлены.

Господи, подумалъ становой, нѣтъ мнѣ нигдѣ спасенія! Что, если мужикъ окружитъ меня и возьметъ въ полонъ!

Отъ страху онъ чуть не умеръ; однако собрался съ духомъ и бросился бѣжать въ станъ.

Долго бѣжалъ онъ. Не разъ спотыкался и падалъ, то на сукъ, то въ болото. Испачкался да исцарапался такъ, что сталъ чертъ чертомъ.

Прибѣжалъ и сѣлъ сейчасъ писать губернатору бумагу: такъ, моль, и такъ, мужикъ взбунтовался и отказался отдавать свою копѣйку; по-

ѣхалъ де онъ, становой, уговаривать, но мужикъ уговорамъ его не внялъ и въ отвѣтъ заревѣлъ какъ цѣлое стадо коровъ. Потомъ выпустилъ мужикъ на него особыхъ собакъ, которыхъ нарочно на этотъ случай развелъ. Собаки эти видомъ ужасны, ростомъ съ теленка, а бѣгаютъ быстрѣе вѣтра. Потомъ пустилъ мужикъ въ него большимъ камнемъ, величиной съ быка и переломалъ лошади обѣ переднія ноги. Потомъ вынесъ онъ огромную трубу и брызнулъ въ него вонючей водою, отъ которой духъ захватываетъ и такъ испакостилъ ему мундиръ, что теперь къ нему близко подступить невозможно.

Прочиталъ эту бумагу губернаторъ и сказалъ:

„Нужно дать становому Егорью за храбрость!“

Потомъ приказалъ сейчасъ же снаряжаться въ походъ противъ мужика. На другой день рано утромъ губернаторъ и становой съ ротой солдатъ уже выступили противъ мужика. Къ вечеру они подошли къ лѣсу, въ которомъ жилъ мужикъ. Солдаты разбили лагеръ и легли спать, а офицеры собрались къ губернатору въ палатку совѣтъ держать, какъ имъ мужика заполонить.

Думали, думали и рѣшили, что прямо нападать страшно, такъ нужно подождать до зари, когда мужикъ пойдетъ въ лѣсъ умываться ключевой водой, а тогда окружить и заполонить.

Сказано—сдѣлано. Подошли они на другой день къ ключу, окружили его и спрятались въ кустахъ, чтобы мужикъ ничего не замѣтилъ. Не успѣлъ мужикъ нагнуться къ водѣ, какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ у него затрубили въ трубы, забили въ барабаны и заорали разныя команды.

Что за оказія, думаетъ мужикъ, протираючи глаза. А у становаго откуда храбрость взялась: скачетъ онъ, какъ угорѣлый, передъ солдатами, саблей машетъ и кричитъ.

—„Ребята не робѣй! Умремъ за царя батюшку и за вѣру православную!!!“

Потомъ схватилъ онъ знамя и крикнулъ:

—„За мной ребята, ура!“

Ура, ура, ура-а-а! заорали солдаты и бросились на мужика.

Попробовалъ было мужикъ обороняться, да гдѣ тутъ! Въ мигъ его схватили, связали ему руки и повели къ губернатору. Однако онъ успѣлъ таки сломать нѣсколько ружей и перекусить два штыка.

—„Отдай конѣйку!“ кричитъ губернаторъ.

„Не дамъ“, говоритъ мужикъ.

Вотъ посадили мужика въ острогъ и стали судить. Судили, судили и присудили за бунтъ и запирательство дать ему двадцать-пять тысячъ розогъ, а потомъ водворить на прежнее мѣсто

жительства. А чтобы впредь прятать отъ начальства свою коньйку ему не повадно было, помѣстить у него роту солдатъ, чтобы онъ кормилъ ее, пока не отдастъ свою коньйку. А за штыки, что онъ перекусилъ и за мундиръ, что онъ испортилъ становому своей вонючей водой —взыскать съ него особо.

Наказали мужика и водворили. Повели къ нему солдатъ. Пришли солдаты и сѣли обѣдать.

Зарѣзалъ имъ мужикъ овцу. Съѣли они и кричатъ: мало.

Зарѣзалъ онъ имъ свинью. Солдаты кричатъ: совсѣмъ мало!

Зарѣзалъ онъ имъ корову а солдаты кричатъ: да мы голодиѣе, чѣмъ до обѣда были!

Ну, думаетъ мужикъ, этакъ они, пожалуй, и меня съѣдятъ!

„Погодите, братцы, говоритъ онъ солдатамъ, я схожу въ пчельникъ меду принести."

— „Стунай". говорятъ ему солдаты.

Схватилъ мужикъ шапку въ охапку и бросился вонъ изъ избы.

„Гложи теперь колоду за мѣсто меду, крупа проклятая, думаетъ онъ, а коли не вкусно покажется—кирпичемъ закуси, а я тебѣ больше не кормильщикъ."

И ушелъ мужикъ въ дремучій лѣсъ. До са-

много вечера онъ все шелъ и зашелъ въ такія дебри, гдѣ и духу человѣческаго никогда не слышно было.

Сѣлъ мужикъ на кочку, осмотрѣлся, разулъ лѣвую ногу и вынулъ изъ подъ онучи свою копѣйку, ту самую, за которую столько муки претерпѣлъ.

Посмотрѣлъ на нее мужикъ и сказалъ:

— „Много муки принялъ я за то, что на приманку чернымъ воронамъ, носилъ тебя за пазухой. Знаю, что безъ тебя мнѣ будетъ и хуже того, да пусть мнѣ лучше глаза выколютъ, а не доставайся ты, трудовая мужицкая копѣйка, моимъ ворогамъ на усладу.

Сказалъ это мужикъ, вырылъ яму и закопалъ свою копѣйку.

Потомъ легъ онъ на могилу своей копѣйки и сталъ думать горькую думу:

Безъ копѣйки жить—хоть въ гробъ ложись, а съ копѣйкой жить, хоть въ рѣкѣ топись!

Вотъ вздохнулъ мужикъ тяжело, тяжело, палъ на землю и говоритъ:

„Мать сыра земля, научи ты меня, неразумнаго, какъ мнѣ жить, чтобы не терпѣть мнѣ одного горя лютаго, чтобы и въ моей жизни были красные дни!“ И заснулъ мужикъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Спитъ мужикъ и видитъ, къ нему что то катится. Смотритъ—это его родная копѣйка.

—„Ты какъ это смѣла изъ гроба выдѣзти!“ закричалъ на нее мужикъ. А копѣйка отвѣчаетъ ему человѣческимъ голосомъ:

—„Я пришла тебя утѣшить. Иди за мной и ты увидишь то, чего желаешь.“

Сказала это копѣйка и покатилась впередъ. А мужикъ пошелъ за ней слѣдомъ.

Долго катилась она. Катилась она по полямъ, по долинамъ, тонямъ да по лѣсамъ, наконецъ, вскатилась на высокую гору, закружилась, завертѣлась и хлопнулась на бокъ подъ крутой скалой.

Вдругъ скала разступилась и изъ нея вышелъ высокій старикъ съ сѣдой, какъ снѣгъ, бородой и большимъ деревяннымъ крестомъ на груди.

—Радуйся, сказалъ старецъ мужику.

Сказалъ это старецъ и ударилъ своимъ жезломъ въ скалу.

Скала опять разступилась и изъ нея вылетѣла огромная птица.

—Это птица-моголь, сказалъ старецъ. Са-

дись на нее и я покажу тебѣ самую бѣдную область земли обѣтованной.

Мужикъ сѣлъ, а старецъ навязалъ ему на глаза повязку и сказалъ:

—Не снимай, пока я не скажу, не то у тебя голова закружится и ты упадешь.

Вотъ чувствуетъ мужикъ, что они поднимаются. И понеслись они вихремъ по воздуху. Мужикъ крѣпко схватился за птицу, чтобы его не сорвало вѣтромъ. Долго летѣли они. Наконецъ старикъ пріостановилъ полетъ птицы и снялъ повязку съ глазъ мужика.

Глянулъ мужикъ, видитъ: несутся они высоко надъ землей, птица головой облака задѣваетъ.—Перепугался мужикъ и весь задрожалъ.

—Не бойся, говоритъ ему старецъ. Мы уже прилетѣли и сейчасъ спустимся ближе къ землѣ, чтобы тебѣ все видно было.

Успокоился мужикъ и сталъ смотрѣть, что у него подъ ногами.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Видитъ: подъ ногами у него стелется, какъ золотое море, огромное хлѣбное поле, а на полѣ, словно въ муравейникѣ, кишмя-кишатъ люди:

—видно хлѣбъ убираютъ. Только все здѣсь не такъ, какъ у пихъ. И хлѣбъ такой, какихъ мужикъ, отродясь, не видывалъ, да и люди точно не тѣ: нигдѣ не видно ни прикащика, ни надсмотрщика, а всѣ работаютъ, словно боятся, что хлѣбъ вотъ, вотъ вырвется у пихъ изъ рукъ и унесетъ его вѣтромъ за тридевять земель. А что всего чудиѣе: ни на одномъ лицѣ не видно ни досады, ни недовольства; а, напротивъ того, всѣ веселы да довольны, точно хороводы водятъ, а не страду страдать пришли.

—Съ чего это они такіе веселые да довольные, спрашиваетъ мужикъ старика. Али помѣщикъ заплатилъ имъ въ три дорога?!

„Нѣтъ, не съ того, отвѣчаетъ старецъ. Земля то эта не помѣщичья, а ихняя и хлѣбъ ихній и все ихнее! Да и помѣщиковъ въ этой странѣ нѣтъ совсѣмъ, потому что здѣсь земля вся никому не принадлежитъ, а общества разныя ею пользуются, кому сколько надобно. Общество не можетъ ни купить, ни продать, ни въ аренду сдать своей земли. Потому коли общество перестало работать само на землѣ, такъ ее вольно взять подъ себя всякое другое общество, коли ему она надобна.“

—Не ужь-то такъ таки задаромъ! Да развѣ

ужь ничего нельзя брать за землю, коли другой владѣетъ ею?

—Разскажу я тебѣ притчу, а ты ужь самъ смекай:

„Жилъ-былъ мужикъ, по прозвищу Свищь, потому въ карманахъ у него завсегда былъ свистъ. Ничего у того мужика не было, кромѣ огорода, а въ томъ огородѣ ничего не было, кромѣ грядки огурцовъ.

„Все лѣто кормился Свищь огурцами. Но вотъ, пришла осень, за ней слѣдкомъ пойдетъ зима. Огурцовъ на грядкѣ оставлять нельзя. Какъ тутъ быть? Думалъ, думалъ Свищь, наконецъ надумалъ: пошелъ къ бочару, по прозвищу Прорва, да и говоритъ:

—Сдѣлай мнѣ бочку, я хочу себѣ на зиму огурцовъ насолить.

„Ладно“, говоритъ Прорва. „Только на какія же деньги ты бочку купишь?“

—Да я тебѣ огурцами платить буду.

„Ладно“, говоритъ бочаръ. „Выплачивай мнѣ каждую зиму полъ бочки огурцовъ, что насолишь.“

„Почесалъ Свищь затылокъ, однако дѣлать нечего, согласился, потому на весь округъ всего былъ одинъ бочаръ. А у дальнихъ, думаетъ Свищь, заказывать совѣмъ не рука, потому первое про-

возъ дорогъ, а второе пока дойдешь, да назадъ вернешься, сколько огурцовъ успѣетъ замерзнуть!

„Вотъ приходитъ зима. Насолилъ Свищь огурцовъ. Одинъ самъ съѣстъ, другой Прорѣ снесетъ.

„Приходитъ другая зима. Свищь опять насолилъ огурцовъ и опять отдалъ половину Прорѣ.

„Также въ третью и въ четвертую.

—Ну, думаетъ Свищь, теперь я заплатилъ сполна, да еще сверхомъ, что бочка то стоитъ.

„Одначе не тутъ то было. Прорва говоритъ: плати, какъ прежде, да и только; такъ, молъ, по закону.

„Свищь былъ мужикъ не грамотный, да опять же смирный—нѣтъ, чтобы прогнать Прорву въ три-шеи: платитъ ему, какъ прежде, полъ бочки да полъ бочки каждую зиму.

„Наконецъ и ему не въ моготу стало. Идетъ онъ къ сосѣду да и говоритъ: куши у меня, Христа ради, бочку!

„Заслышалъ это Прорва, да какъ напустится на Свища:

—Ахъ ты такой сякой. Да какъ ты смѣешь чужое добро продавать?

„Какъ чужое? говоритъ Свищь, неужели бочка то и до сихъ поръ твоя? Вѣдь я тебѣ за нее, почитай, разовъ двадцать заплатилъ!

—Заплатилъ и еще столько же заплатишь, а бочка все таки моя и моя до скончанія вѣка останется; такъ, молъ, по законамъ Божескимъ и человѣческимъ слѣдуетъ. Повѣрилъ Прорвѣ Свищь и доселѣ, сказываютъ, платитъ."

Кончилъ старецъ да и спрашиваетъ мужика:

—А что, другъ, небось у Свища то, не только въ карманахъ, а въ головѣ свиститъ?

„Точно свиститъ", говоритъ мужикъ.

—Ну, а бочара, міроѣда, чай на первой осинѣ повѣсить слѣдуетъ.

„Точно слѣдуетъ", говоритъ мужикъ.

—Ну, а теперь смекни ка: коли кто землю отдаетъ мужику со второго, али третьяго, али какого ни на есть спона, либо за какую ни на есть плату деньгами, такъ не выходитъ ли, что онъ самый бочаръ Прорва и есть, а земля его для него развѣ не то же, что для Прорвы бочка. Ну, а ты, коли платишь ему,—развѣ не Свищь.

Обидѣлся мужикъ, что старецъ его къ Свищу прировнялъ и захотѣлось ему поставить на своемъ. Только билси онъ и такъ, и этакъ—все выходитъ, что старецъ правду сказалъ, потому первое, иной то помѣщикъ не поработалъ надъ своей землей и столько, сколько бочаръ надъ бочкой, а вѣдь всякій до скончанія вѣка до-

ходъ съ нее получаетъ — значитъ. Прорва онъ какъ есть. А второе, плати мужикъ хоть третій, хоть пятый, хоть десятый своимъ хлѣбомъ, либо деньгами, все таки онъ много разъ заплатитъ, сколько земля стоитъ, а земля все не его будетъ — значитъ, Свищь онъ какъ есть.

Ничего не сказалъ мужикъ, только сталъ присматриваться къ людямъ, что копошились на полѣ. Чѣмъ больше присматривался мужикъ, тѣмъ больше онъ дивился: работники точно перегоняли другъ друга. Ну, да это бы еще ничего, а что всего чудиѣе такъ это то, что когда одинъ поотстанетъ, такъ другіе бросаютъ свои полосы на время и на перерывъ бѣгутъ помогать ему.

—Да съ чего это они на чужія то полосы лѣзутъ? Спрашиваетъ мужикъ.

„А съ того, отвѣчаетъ старецъ, что полосы то это не чужія, а общія: а владѣютъ ей всѣ сообща, какъ въ большой семьѣ, гдѣ живутъ безъ раздѣла. Работаютъ, значитъ, тоже сообща."

—Вишь ты, удивляется мужикъ. Да на чѣмъ же это? Вѣдь лучше бы подѣлить на семейства и дать каждому свою долю, а потомъ, когда народятся дѣти, чтобъ передѣлы были.—Чтобы было, значитъ, такъ, какъ теперь у насъ на Руси дѣлается.

„И это хорошо, говоритъ старецъ, радуяет-

ся, коли вся земля мужицкая, да нѣтъ на ней ни оброковъ, ни податей; да только такъ еще лучше, потому десять человѣкъ артелью сдѣлаютъ больше, чѣмъ тридцать по одиночкѣ. Вѣдь, тяжелый камень пудовъ въ тридцать десять человѣкъ поднимутъ легко, а по одиночкѣ не подниметъ и сотня, и тысяча. Точно также и въ трудностяхъ хозяйственныхъ, чего одному, двумъ либо тремъ хозяевамъ во вѣкъ не сдѣлать, то цѣлому обществу сельскому ипочемъ."

— Все это такъ-то такъ. Да только какже это у нихъ ссоръ не бываетъ? Вѣдь одинъ то сработаетъ больше, а другой меньше?

„А отъ того не бываетъ, говоритъ старецъ, что они любятъ другъ друга, какъ братья и сильному, и умѣлому нѣтъ больше радости, какъ помочь слабому да неумѣлому.

„А если ты не понимаешь, какъ это могли люди устроить промежъ себя такую любовь, такъ я тебѣ скажу, что изъ за выгоды нечего завидовать, коли люди не равно сработаютъ.

— Какъ такъ, не разберу, говоритъ мужикъ.

„А вотъ слушай:

„Жилъ-былъ себѣ старикъ со старухою и было у нихъ всякаго добра много, потому оба они были люди работящіе и пьющіе. Жили они промежъ себя такъ дружно, такъ дружно, что

и сказать нельзя. Не то, чтобъ ударить — худого слова другъ дружкѣ не промолвятъ.

„Легъ старикъ однажды спать, да только не спится ему — все такія скверныя думки въ голову лѣзутъ. Только подъ утро онъ кое какъ заснулъ.

Заснулъ онъ и видитъ сонъ: подбѣгаетъ этотъ къ нему пѣтухъ да и кричитъ подъ самое ухо:

За водою бабушка
Ѣхала на дѣдушкѣ,
Кочергой погоняла,
А метлой стегала.

—Пошелъ прочь, кричитъ дѣдушка во снѣ, а пѣтухъ подлетаетъ съ другого бока и опять свое:

Пріѣхала бабушка
Дала корку дѣдушкѣ,
Себѣ взяла каравай;
Ты, моль, роть не разѣвай.

—Уйди окаянный, кричитъ опять дѣдъ, не то полѣномъ запущу! А пѣтухъ ну плясать у него подъ самымъ носомъ и давай дразнить его:

Ой дѣдъ, дѣдъ, дѣдъ,
Тебѣ бъ клячей быть слѣдъ,
Твоей бабѣ мужикомъ
Да лупить тебя кнутомъ!

Зло взяло дѣда. Размахнулся онъ и со всей силы хвать пѣтуха кулакомъ по головѣ!

—Да что это ты разодрался сегодня! кричитъ ему баба; потому онъ ее то вмѣсто нѣтуха огрѣлъ по головѣ.

„Такъ тебѣ и надо“, сказалъ съ сердцемъ дѣдъ и повернулся отъ нея на другой бокъ.

Лежитъ дѣдъ и думаетъ: нѣтъ, полно, не дамъ я бабѣ власти надъ собой.

Вотъ встали они утромъ ранешько, дѣдъ и говоритъ бабѣ:

—Пойдемъ мѣшки таскать.

„Пойдемъ“, говоритъ баба.

Пришли. Дѣдъ взялъ мѣшокъ и понесъ. Баба тоже взяла и пошли за дѣдомъ. Только обочлянется дѣдъ, видитъ: бабинъ мѣшокъ куда меньше его мѣшка.

„Постой, старая карга, говоритъ про себя дѣдъ, ты думаешь я за тебя мѣшки таскать стану. Ступай впередъ, говоритъ дѣдъ, а я пойду сзади“.

Баба пошла, а дѣдъ вынулъ ножикъ и распоролъ свой мѣшокъ —пусть, моль, мой и большой, да пустой за то.

Пока дошли до дому, вся рожь и высыпалась.

—Что, много взяла? говоритъ дѣдъ бабѣ.

Всплеснула баба руками, одинко поздно было, воробьи расклевали все зерно.

На другой день пошли дѣдъ и баба пахать.

Дѣдъ опустилъ плугъ на пять вершковъ, а баба на четыре.

—Постой, старая корга, говоритъ про себя дѣдъ, ты думаешь, что я за тебя пахать буду.

Поднялъ дѣдъ свой плугъ всего на вершокъ и спахалъ такъ почти все поле.

На третій день пошли они сѣять. Дѣдъ беретъ мѣшечькомъ, баба горсточкой.

—Постой, говоритъ дѣдъ, я тебѣ покажу, какъ я за тебя сѣять буду.

Вотъ высѣетъ дѣдъ горсточку, а что остается вольметъ да сразу и высыпетъ изъ мѣшка на землю.

Баба смотритъ, да только руками разводитъ.

—Что много взяла? говоритъ дѣдъ бабѣ.

„Да что ты, окаянный, свое добро переводишь?“ кричитъ ему баба.

—Такъ ты еще ругаться! Вотъ я же тебя!

И побилъ дѣдъ бабу въ первый разъ въ жизни.

Приходятъ они домой, баба ушла въ садикъ, сѣла подъ яблоней и плачетъ.

Всю ночь просидѣла баба въ саду, всю ночьку долгую проплакала она.

А старикъ сердитый, разсердитый занялся спать въ полушку. На душѣ такого скверно ему было. Заснулъ старикъ и снится ему сонъ:

Чиститъ, будто, онъ колодецъ. Самъ въ ко-

лодецъ залѣзъ, грязь ковшомъ черпаетъ и въ ведро накладываетъ, а баба на верху стоитъ да веревкой ведро вытягиваетъ да на землю грязь выливаетъ. Чистили они этакъ колодецъ часа съ два. Вдругъ у старика зарябило въ глазахъ, перекладинка покачнулась и чудится ему, что въ воду упалъ, поранился и тонетъ. уже совѣмъ задыхается, а баба сверху ему кричитъ: Иванъ, а Иванъ, что же ты тамъ? Заснулъ али что? А старикъ только и болтыхаетъ воду и голоса никакого не подаетъ.

Видитъ баба, что дѣло не ладно. Махъ по веревкѣ въ колодецъ да и давай таскать старика изъ воды на перекладинку, а по веревкѣ совѣмъ на свѣтъ Божій, тянетъ старуха старика, тянетъ, ажъ потъ выступилъ, а все таки вытащила.

Смотритъ и, будто, глазамъ своимъ не вѣритъ. Старикъ совѣмъ искалечился, рука на двое переломлена, глазъ одинъ совѣмъ закрылся. Заплакала старуха горькими слезами, потащила старика домой да и уложила его на горячей печи. Разопрѣлъ старикъ—да и проснулся.

Проснулся да и думаетъ: вѣдь вонъ какіе сны бываютъ, а вѣдь этакая бѣда со всякимъ можетъ дѣйствительно приключиться. Припомнилъ дѣдъ, что онъ надѣлалъ въ послѣдніе три дня и ничего понять не можетъ.

„Да что это со мной сдѣлалось, думаетъ дѣдъ. На старости лѣтъ сталъ глупѣе ребенка малаго! Да нешто баба виновата, что я сильнѣе ея! Да нѣтъ, все это во снѣ мнѣ приснилось!?“

Спрашиваетъ онъ бабу, та говоритъ:

„Взаправду было.“

—Да врешь ты, говоритъ дѣдъ. Вѣдь тебѣ, можетъ труднѣе поднять пудъ, чѣмъ мнѣ два!

„А вотъ поди жъ ты! это я сама тебѣ сказывала не разъ.“

Пошелъ дѣдъ на поле. Видитъ точно поле поцарапано словно только, а хлѣба и слѣдовъ нѣтъ. Перепахивай и снова сѣй!

Развелъ дѣдъ руками и говоритъ:

„Ну, прости меня, баба! Все точно я взаправду надѣлалъ. Видно чертъ у меня разумъ отнялъ, потому въ своемъ разумѣ никто такого не надѣлаетъ.“

Выслушалъ мужикъ старика да и говоритъ:

„Ну, ладно, твоя правда! Точно нечего ссориться, коли одинъ меньше другого сработаетъ по слабосилію. Отъ этого, точно, одинъ убытокъ бываетъ. Ну, а если онъ это съ озорства сдѣлаетъ, нарочно значитъ—пусть, моль, другіе работаютъ за меня?!

—Ну, тогда другое дѣло! Кто живетъ насчетъ артели, да не хочетъ работать, тотъ ар-

тель обкрадываетъ. А вора прогнать можно. Да только разсуди, гдѣ лучше дѣло ведется, да гдѣ лучше работаютъ въ артели или у хозяина.

„Вѣстимо, когда съ хозяиномъ — лучше, потому хозяинъ самъ до всего дойдетъ, да и не залѣнится."

— Послушай ка, что я тебѣ разскажу:

„Жила-была старая престарая старуха. И былъ у ней сынъ Тетеря. И уродился Тетеря такой глупый, такой глупый, что во всей округѣ не было парня глупѣй его.

Разъ идетъ Тетеря мимо своего сарая и видитъ, совсѣмъ наклонился онъ на бокъ.

Насупился Тетеря и сталъ думать крѣпкую думу: что изъ этого выйдетъ.

Думалъ онъ думалъ, наконецъ вскричалъ:

— Знаю, что будетъ: сарай на бокъ свалится!

Легъ онъ спать веселый да довольный: — какой я, думаетъ, умный, какъ скоро догадался! А еще люди дуракомъ зовутъ!

На другой день онъ всталъ и пошелъ прямо къ сараю. А сарай за ночь совсѣмъ къ землѣ наклонился, вотъ вотъ повалится.

Усмѣхнулся Тетеря. Вишь, думаетъ, моя правда вышла.

Да только какже теперь дѣлу помочь?

Ломалъ, ломалъ себѣ голову Тетеря, да гдѣ

тутъ не его ума это дѣло — ничего такъ такъ и не выдумалъ.

„Пойду, думаетъ, къ кумѣ, она у насъ умная."

Приходитъ онъ да и говоритъ:

„Кума, а кума, вотъ ты все смѣешься, что я глупый, а я, смотри, какой: увидѣлъ это я, что сарай на бокъ наклонился и сейчасъ догадался, что онъ, можетъ быть, свалится! Ну, а теперь посмотримъ, точно ли ты умная: скажи ко, что нужно сдѣлать, чтобы онъ не упалъ."

—Ахъ ты дуракъ, дуракъ, говоритъ кума. Твой сарай вѣдь на двѣнадцати столбикахъ стоитъ, оттого и валится, а ты подрубя одиннадцать, такъ на одномъ то онъ навѣрно устоитъ.

Злющая была баба эта кума, надъ дуракомъ насмѣялась, а Тетеря и говоритъ:

„Ну, ижу, ты точно умная; я вѣдь и самъ еще прежде хотѣлъ такъ сдѣлать!" А самъ про себя думаетъ:

„Ловко же я провелъ куму то!"

Вотъ прибѣжалъ Тетеря домой, схватилъ топоръ и бросился рубить столбики подъ сараемъ.

Подрубилъ онъ столбиковъ шесть, вдругъ, сарай такъ на бокъ и громыхнулся!

„Съ чего бы это было? думаетъ Тетеря. Видно съ того, что я не успѣлъ еще пяти столбиковъ подрубить!"

Пошелъ Тетеря домой.

Приходитъ, видитъ теленокъ и жеребенокъ маткѣ не сосутъ и пойла не пьютъ.

Опять крѣпко задумался Тетеря: что бы это значило? Цѣлый день думалъ онъ, наконецъ догадался:

„Хвораютъ они, вотъ что!“

„А и какой же я умный сталъ, думаетъ Тетеря, уже второй разъ какъ скоро догадываюсь!“

На другой день пошелъ онъ прямо на скотный дворъ, видитъ жеребенокъ и теленокъ совѣмъ захирѣли; обрадовался Тетеря!

„Моя, думаетъ, правда вышла.“

Потомъ сталъ онъ думать, какъ бы горю помочь. Думалъ онъ, думалъ, ничего не придумалъ. Нечего дѣлать, пошелъ онъ опять къ кумѣ. Пришелъ да и говоритъ:

—Загадаю я тебѣ, кума, загадку. Коли отгадаешь, ты, значитъ, умная, а нѣтъ, такъ дура.

„У одного мужика была корова съ телушкой, да кобыла съ жеребенкомъ.

„Вотъ разъ перестали они сосать, захворали, значитъ. Скажи ко, что нужно сдѣлать, чтобы вылечить.“

А кума уже догадалась къ чему Тетеря рѣчь водетъ да и говоритъ:

—Вотъ видишь, умникъ мой, вся бѣда въ

томъ, что каждая скотина свое собственное дѣтище кормитъ, оттого мало даетъ ему сосать. А коли подпуститъ телушку къ кобылѣ, а жеребенка къ коровѣ, тогда матки будутъ давать сосать вволю и они сейчасъ выздоровѣютъ.

„Вишь ты, думаетъ Тетеря. Да какъ это я самъ не догадался?“

Послушался онъ, сдуру, куминаго совѣта и заперъ корову съ жеребенкомъ въ одномъ, а кобылу съ теленкомъ въ другомъ стойлѣ.

Приходитъ онъ черезъ нѣкоторое время, смотритъ — подохли и жеребенокъ, и телушка.

„Да съ чего это они, думаетъ Тетеря. Видно съ голоду молока опились!“

Вотъ такъ то и остался Тетеря безъ сарая да безъ телушки и жеребенка, потому послушался онъ глупаго да злаго совѣта.“

— Совѣтъ точно глупый, только дуракъ Тетеря могъ послушаться, говоритъ мужикъ.

— Хорошо, говоритъ старецъ, да только припомни ка поговорку: говоритъ Петруха Аносу: Аносъ у тебя носъ косъ! А у самого рожа крива. Вѣдь и ты, другъ сердечный, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, маленько на Тетерю похожъ: тотъ думалъ, что сарай будетъ крѣпче стоять на одномъ, чѣмъ на всѣхъ столбахъ, а ты думаешь, что дѣло лучше пойдетъ, коли думать

да заправлять будетъ одинъ хозяинъ, а не вся артель. Не даромъ говорится: умъ хорошо, два лучше, а много—вѣдь еще лучше.

—Да нѣтъ же, говоритъ мужикъ, не то! Я знаю, что артелью лучше всякое дѣло обдумаютъ, чѣмъ каждый въ одиночку. Я говорю, что въ артели присмотру нѣтъ, какъ хочешь, такъ и работай!

„Эхъ, другъ милый, говоритъ старецъ, опять ты на Тетерю похожъ: онъ думалъ, что скотина лучше будетъ кормить чужое дѣтище, чѣмъ свое, а ты думаешь, что на хозяина лучше работать станутъ, чѣмъ на себя; вѣдь въ артели все, что сработаешь тебѣ же достанется.

Ничего не могъ отвѣтить мужикъ старцу.

А старецъ помолчалъ немного, подумалъ да и говоритъ:

„Ты видѣлъ теперь наскетъ земли. Видѣлъ, какъ здѣсь владѣютъ землею, видѣлъ, какъ работаютъ на ней. Теперь я покажу тебѣ другое."

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Взмахнулъ старецъ пучкомъ павлиныхъ перьевъ въ золотой ручкѣ. Птица широко взмахнула крыльями и снова понеслась впередъ.

„Тошно тебѣ жить отъ помѣщиковъ, поповъ да начальства всякаго, говоритъ старецъ мужику. А отъ купцовъ да міроѣдовъ и того тошнѣй.

„Содралъ съ тебя попъ поросенка, а купецъ уже тутъ, какъ тутъ: одинъ содралъ улей меду, а другой такъ и портки съ тебя снялъ.

„Заставилъ тебя баринъ плотину чинить, а купецъ ужь тутъ какъ тутъ—сруби и ему избу.

„Попъ сдеретъ блинъ—купецъ каравай.

„Баринъ сдеретъ снопъ—купецъ копну.

„Баре, попы да начальство—чертова скотина, которая все пить проситъ; сколько ее ни пой—ей все мало. Взялся мужикъ по простотѣ своей поить эту скотину. И все таскаетъ ей воду изъ колодца. Да только то далеко отъ чана, откуда пьетъ скотина то. Вотъ черту и жалко стало своей скотины, далеко ей ходить на водопой. И надѣлалъ чертъ корытъ, и льетъ мужикъ воду изъ колодца въ корыта, а ужь по корытамъ течетъ она въ чанъ. Вотъ скотинѣ то теперь и хвостомъ болтнуть не приходится; уткнула она свою поганую морду въ чанъ и все пьетъ да пьетъ. Только мужику теперь хоть въ гробъ ложись, потому корыта то—всѣ дырявыя. Мается мужикъ, не намается, таскаетъ воду, не натаскаетъ.

„Скотина это—баре, начальство всякое; колодецъ съ водой—это трудъ мужицкій, а дырявыя корыта—это купцы да міроѣды. Не будетъ счастья рабочему да честному человѣку на землѣ, пока останутся на ней баре, купцы да начальство! Ты видѣлъ, какъ живутъ люди безъ баръ. Теперь смотри, какъ живутъ они безъ купцовъ."

Пріостановилъ старецъ полетъ птицы и мужикъ сталъ смотрѣть, куда онъ ему указывалъ.

Видитъ передъ нимъ большая площадь, точно рынокъ, а лавокъ нѣтъ. Народу кишмя-кишитъ, и у всякаго, что нибудь въ рукахъ.

Присмотрѣлся мужикъ и видитъ—у одного мѣшокъ хлѣба, у другаго кусокъ холста, у третьяго пара сапогъ, у четвертаго кучка гвоздей. Только никто ни у кого ничего словно не покупаетъ, а только посмотритъ, посмотритъ, что то спроситъ и отойдетъ!?

—Что за притча, спрашиваетъ мужикъ, на кой лѣшій они тутъ толкутся зря?

„Нѣтъ не зря толкутся они, а за дѣломъ. Каждая артель разъ въ мѣсяцъ посылаетъ отъ себя человѣка и даетъ ему свой товаръ для образца, и наказываетъ ему, что забрать отъ другихъ артелей. Вотъ они сходятся и уговариваются, а на другой день всякъ получаетъ, что

ему требуется взамѣнъ — за товаръ свой значитъ."

— Понимаю, говоритъ мужикъ, значитъ купцовъ у нихъ, точно, нѣтъ. Да только, скажи ты мнѣ, артели, небось, вѣдь другъ дружкѣ тоже наровятъ товаръ въ тридорога продать, да подчасъ подсунуть какой нибудь дряни.

„Еслибъ тебя услышали люди, что на площади, то навѣрно сказали бы, что ты сумасшедшій. У нихъ не только не надуваютъ и не обманываютъ другъ друга, а никому этого и въ голову не приходитъ. Потому всѣ они любятъ другъ друга. Да и понимаютъ они, что только совсѣмъ безсмысленный человѣкъ можетъ дѣлать это."

— Какъ такъ? спросилъ мужикъ.

„А вотъ слушай и смѣкай:

„Жили-были два пастуха. Одного звали Фомой, а другаго Еремой. У каждаго было свое стадо. Пасли они ихъ, одинъ по одинъ бокъ, другой по другой бокъ лѣса. Вотъ разъ и попуталъ бѣсъ Фому: Дай ко, думаетъ Фома, пойду я и украду у Еремы овечку. Взялъ онъ съ собой пол хлѣба и пошелъ. Подходитъ это онъ къ стаду, а двѣ собаки какъ кинутся на него! Испугался Фома, однако не сробѣлъ: разломалъ онъ свою краюху и бросилъ половину одной, а половину другой собакѣ. Собаки присмирѣли, а

Фома хвать овцу, да и драла! Бѣжитъ онъ, а самъ весь дрожитъ, какъ осиновый листъ. Гдѣ вѣтки хрустнетъ, а ему ужъ сдается, что его за шиворотъ хватаютъ. Сколько онъ страху натерпѣлся, того и не разсказать.

„На другой день Фома опять взялъ полъ хлѣба и снова укралъ тѣмъ же порядкомъ овцу.

„На третій день тоже.

„Ну, думаетъ, дай ко сосчитать много ли у меня овецъ то?

„Сосчиталъ — и руками развелъ.

„Наказанъ я за несправедливость свою, въ то самое время, какъ я воровствомъ занимался, волки у меня трехъ овецъ зарѣзали!!!

„Погоревалъ онъ, погоревалъ, наконецъ успокоился: пойду, думаетъ Фома, и украду у Еремы ужъ не одну, а двѣ овцы.

„Вотъ взялъ онъ цѣлый хлѣбъ и какъ стемнѣло опять пошелъ къ Еремѣ овецъ воровать. Опять кинулись на него собаки; Фома разломалъ пополамъ свой хлѣбъ и бросилъ имъ, чтобы они не лаяли. Потомъ взвалилъ на плечи двѣ овечки и побѣжалъ домой. Только идти околицами онъ не смогъ, потому больно тяжело было, и пошелъ онъ самымъ коротким путемъ. Прошелъ это онъ полъ дороги, вдругъ слышитъ, впереди заблеяла овечка.

„Ахъ ты Господи, думаетъ Фома, это видно волкъ мою овечку тащитъ.

„Почуявши волка, овечки его заблеяли во всю мочь, а онъ все бѣжитъ прямо на волка.

„Подбѣгаетъ и со всего размаха хвать волка по головѣ, а самъ хлопнулся навзничъ, потому его самаго кто то огрѣлъ дубиной. Поднялся Фома, подходитъ и глазамъ невѣритъ.

—Да вѣдь это ты, Ерема! кричитъ Фома.

—Да вѣдь это ты, Фома! кричитъ Ерема.

—Такъ это ты мои овечки кралъ! опять закричали они въ одинъ голосъ и обоимъ стало совѣстно глядѣть другъ на дружку.

„Вотъ помалу разговорились они и рѣшили, что лучше каждому своихъ овецъ пасти да жить въ чести и согласіи, чѣмъ красть овецъ другъ у дружки и собакъ хлѣбомъ кормить."

—Вотъ видишь ли, говоритъ старецъ, такъ точно и здѣсь:—коли сапожники станутъ продавать хлѣбопашцамъ сапоги съ барышомъ, а хлѣбопашцы сапожникамъ хлѣбъ съ барышомъ, такъ выйдетъ и у нихъ тоже, что вышло у Фомы съ Еремой—ни тѣмъ, ни другимъ не будетъ никакой выгоды.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Опять взмахнулъ старецъ павлиными перьями; опять понеслись они надъ землею. Но скоро старецъ остановилъ полетъ птицы и сказалъ:

„Двумя цѣпями скованъ ты, мужикъ русскій, —одна то цѣпь тяжелая-желѣзная, другая золотая! Золотая тонкая, да только будетъ крѣпче желѣзной.

„Ты видѣлъ, какъ разорвали эти люди цѣпь золотую. Теперь я покажу тебѣ, какъ живутъ они безъ тяжелой-желѣзной цѣпи. Много крови своей и чужой пролили они, пока порвали наконецъ эту желѣзную цѣпь.“

И старикъ указалъ мужику на большой, красивый домъ.

Вдругъ крыша и потолокъ дома стали, какъ бы стеклянные, такъ что можно было видѣть все, что дѣлалось внутри его.

Видитъ мужикъ посреди огромной комнаты стоитъ большой круглый столъ, покрытый красной бархатной скатертью съ золотыми кисточками. Вокругъ стола сидятъ люди и о чемъ то разговариваютъ, а вокругъ народъ сидитъ и слушаетъ.

Диву дался мужикъ: что бы это было! думаетъ онъ, трактиръ не трактиръ, театръ не театръ!

Вотъ поднялся самый старый изъ тѣхъ, что сидѣли за круглымъ столомъ и что то сказалъ всѣмъ.

Всѣ въ одинъ голосъ закричали:

— Любо, любо!

Тогда народъ разступился и изъ толпы вышелъ и подошелъ къ старику человѣкъ среднихъ лѣтъ съ умнымъ лицомъ, одѣтый, какъ всѣ.

Старикъ поклонился ему и далъ какую то бумагу.

— А! теперь понимаю, говоритъ мужикъ, это старики волостнаго старшину выбрали, либо кого еще постарше.

„Нѣтъ, отвѣчаетъ ему старецъ, потому что здѣсь нѣтъ ни старшинъ, ни губернаторовъ, никакого начальства, нѣтъ даже и царя у нихъ. Все у нихъ міромъ дѣлается.“

— Какъ такъ? удивился мужикъ. — Кого же они выбираютъ?

„А вотъ кого; нужно имъ было чугунку построить. Вотъ и прислали къ нимъ отъ сосѣдняго общества того старика, что за столомъ сидѣлъ. Собралъ онъ народъ и предложилъ имъ,

что такъ и такъ моль, нужно бы чугунку намъ построить. Народъ согласился и сейчасъ же выбралъ тѣхъ, что со старикомъ за круглымъ столомъ сидѣли. Вотъ они и обсудили дѣло, какъ слѣдуетъ. Потомъ выбрали они того самаго человѣка, что къ старику подходилъ, потому онъ ужъ мастеръ своего дѣла, и при постройкѣ всякихъ дорогъ, мостовъ, плотинъ очень искуснымъ оказался,—и всѣ остались имъ довольны.

„Коли другое какое дѣло рѣшить нужно: насчетъ школъ, примѣрно, либо торговли, то народъ выбираетъ уже другихъ людей, потому не можетъ одинъ человѣкъ знать и какъ дороги строить, и какъ торговлю вести, и какъ въ школахъ обучать.

„Всякое свое рѣшеніе они объявляютъ народу и коли онъ не доволенъ, такъ выбираетъ новыхъ.“

— Хорошо же тутъ, воскликнулъ мужикъ.

„Твоя правда, говоритъ старецъ. Но я показалъ тебѣ только начало того счастья, до котораго достигнетъ человѣкъ. Того же, что будетъ, когда настанетъ на землѣ царство братской любви, справедливости и правды, не можетъ видѣть ни одно человѣческое око, пока

будетъ промежъ людей обманъ, грабежъ да всякая неправда!“

Старикъ замолчалъ немного и потомъ опять началъ говорить:

„Всѣ вы будете жить такъ, но время еще не пришло, хотя скоро настанетъ оно. Смотри, вонъ тамъ уже занимается заря и скоро разгонитъ кромешную тьму зла и неправды, что покрываетъ землю, солнце любви. И не будетъ тогда ни плача, ни скорби, ни страданій, ни нищеты на землѣ. Тучи застилаютъ грядущее солнце—великую грозу предвѣщаютъ онѣ. Съ тѣхъ поръ какъ стоитъ земля, не было такой грозы. Злой и неправый затрепещетъ, рѣки потекутъ кровавой водой! Горе вамъ богатые, ибо вы уже получили свое утѣшеніе! Горе вамъ, пресыщенные нынѣ, ибо взалчете! Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ, ибо восплачете и возрыдаете!“

Слезы полились изъ глазъ старца.

Онъ положилъ руку на голову мужика и сказалъ:

„Благословляю тебя на проповѣдь. Иди возвѣщай по селамъ и городамъ, по дорогамъ и ярморкамъ народу русскому правду, которую повѣдалъ я тебѣ. Если возьмутъ тебя и заключатъ, закуютъ тебя и станутъ судить, передъ судомъ грабителей, мучителей твоихъ будь твердъ,

ибо Сынъ Человѣческій былъ мученъ и распятъ за то же, за что замучатъ тебя.“

Тутъ мужикъ проснулся.

Проснулся онъ и долго не могъ взять въ толкъ, во снѣ ли онъ видѣлъ старца или теперь онъ спитъ.

Потомъ онъ вдругъ все припомнилъ — и копѣйку, и экзекуцію, и солдатъ. И заплакалъ онъ горькими слезами.

— Господи, говоритъ, за что ты такъ мучишь меня? Показалъ ты мнѣ рай земной, а теперь снова бросилъ въ адъ кромѣшный и не далъ мнѣ капли води, чтобы утолить жажду мою!

„Я и самъ зналъ, что хорошо бы жить безъ помѣщиковъ да начальства, да только какъ это сдѣлать?“

Вотъ идетъ мужикъ лѣсомъ и плачетъ.

Вдругъ слышитъ онъ жалобный писк. Оборачивается, видитъ, огромный ястребъ гонится за маленькой птичкой. Вдругъ съ сосѣдняго дерева поднялся цѣлый рой такихъ же птичекъ. Съ страшнымъ писком и криками налетѣли птички на ястреба и ну его клевать: кто въ голову, кто въ глаза, кто въ грудь, кто въ спину.

Дождемъ полетѣли ястребиныя перья и онъ во всю мочь бросился удирать отъ нихъ.

А птички съ веселымъ щебетаньемъ снова усѣлись на свое дерево.

Задумался мужикъ и утеръ слезы. Вотъ идетъ онъ дальше. Идетъ онъ и видитъ пасется стадо быковъ. Только вдругъ, откуда ни возьмись, волкъ и прямо на стадо. Замычали телята, коровы и быки, однако не сробѣли; точно по чьему приказу, телята и коровы сбились въ кучу, а быки кольцомъ окружили ихъ со всѣхъ сторонъ, головами къ наружи. Сунулся было волкъ, да не тутъ то было: быкъ такъ его хватилъ рогами, что онъ чуть ноги унесъ.

Повеселѣло на сердцѣ у мужика. И сталъ онъ думать крѣпкую думу и не замѣтилъ онъ, какъ подошелъ къ конскому табуну.

Вдругъ ему послышался гдѣ то конскій топотъ. Прислушался—все ближе и ближе. Наконецъ, послышалъ онъ жалобное протяжное ржанье и на поляну выбѣжала взмыленная и окровавленная лошадь, а за нею два волка. Вотъ они нагоняютъ ее, вотъ то одинъ, то другой куснетъ ее то тамъ, то тутъ. Кровь бѣжитъ изъ нея ручьемъ, она уже вотъ вотъ упадетъ; но табунъ уже близко, она натуживаетъ послѣднія силы и влетаетъ въ самую средину его. Въ мигъ весь табунъ скучился головами внутрь. Волки

наскочили было на него съ разбѣгу, но тутъ же свалились оба замертво!

Увидѣлъ это мужикъ, и воскликнулъ: теперь я знаю, что намъ нужно мужикамъ дѣлать, чтобы добиться того, что показалъ мнѣ во снѣ святой старецъ.

И пошелъ мужикъ по селамъ, городамъ, деревнямъ и хуторамъ и всюду говорилъ онъ:

— „Проснись, проснись народъ православный!! Чего маешься ты, надъ работой непосильной надрываючись! Народъ простодушный! Вспаши ледяное поле и засѣй его пшеницей. Когда на льду взойдетъ и созрѣетъ пшеница — тогда разживешься ты отъ трудовъ своихъ! Отцы твои и отцы отцовъ твоихъ, и дѣды твои, и дѣды дѣдовъ твоихъ всю жизнь работали, не разгибаючись. А много ли оставили они тебѣ отъ трудовъ своихъ?!

— „Столько же и ты оставишь дѣтямъ своимъ! Чего ждешь ты народъ замученный, народъ многострадальный?!

— „Ужъ не ждешь ли ты, что баре, попы, да купцы сжалятся надъ тобой и отдадутъ тебѣ то, что они съ царемъ своимъ отняли у тебя? — Поймай волка и запри его въ овчарню вмѣстѣ съ овцами. Когда волкъ рядомъ съ ягнятами станетъ траву щчипать, тогда баре, царь,

попы да купцы перестанутъ грабить тебя! Отцы отцовъ твоихъ и дѣды дѣдовъ твоихъ покорно подставляли имъ шею свою. А много ли они оставили тебѣ отъ милостей своихъ грабителей?

— „Столько же и ты оставишь дѣтямъ своимъ. Чего же еще терпишь ты?!

— „Ужъ не ждешь ли ты, что царь защититъ тебя отъ друзей своихъ?

— „Выпусти цыплятъ безъ насѣдки, когда молодые коршунята летаютъ надъ дворомъ твоимъ. Когда коршунъ отниметъ цыплятъ у дѣтей своихъ и принесетъ ихъ на крышу твою, тогда царь защититъ тебя отъ друзей своихъ!

— „Тысячу лѣтъ правятъ цари народомъ русскимъ, тысячу лѣтъ отцы и дѣды твои вѣрно служили имъ. А много ли оставили они тебѣ отъ щедротъ царскихъ?!

— „Столько же и ты оставишь дѣтямъ своимъ!

— „Такъ довольно же тебѣ терпѣть муку мученическую! Довольно тебѣ надрываться, на своихъ лиходѣевъ работаючи! Поработай же, коли не погибла въ тебѣ сила богатырская: — поднимись, какъ одинъ человѣкъ на злодѣевъ своихъ и истреби ихъ съ лица земли до послѣдняго!

— „Пусть не поганятъ они землю русскую! Пусть не развращаютъ они душъ человѣческихъ! Отъ нихъ однихъ все зло на землѣ!

— „Пойдемъ же братцы во всѣ стороны великаго царства русскаго и будемъ говорить народу, что настала пора подняться намъ противъ злодѣевъ нашихъ.

„Пусть каждый, до кого дойдетъ голосъ мой, поклянется въ сердцѣ своемъ проповѣдывать братьямъ своимъ всю правду, какъ апостолы проповѣдывали.

— „Пусть каждый поклянется принять муку и смерть за братьевъ своихъ, какъ принимали апостолы!!

— „И тогда всей землей, какъ одинъ человѣкъ, поднимется вся Русь Матушка и никакая сила вражья не устоитъ противъ насъ!

— „Тогда то настанетъ на землѣ царство Божіе, царство правды и любви и не будетъ на ней плача, ни болѣзней, ни скорби, ни страданій!!

КОНЕЦЪ.

Библиотека ИМЭЛ